

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Русские заветные сказки (для взрослых)

Щучья голова

Жили–были мужик да баба и была у них дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали её в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде:

— Пушай постоит, пока ворочусь.

Только у ихнего соседа был сын — парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как, не придумает. Увидал он лошадь с бороною, перелез через изгороду, выпряг коня и завел его в свой огород. Борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли–то просунул сквозь изгороду к себе и запряг опять лошадь–то. Девка пришла и далась диву:

— Что бы это такое — борона на одной стороне забора, а лошадь на другой?

И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать!

— Какой чёрт тебя занёс! Умела втесаться, умей и вылезать: ну, ну, выноси!

А парень стоит, смотрит да посмеивается.

— Хочешь, — говорит, — помогу, только ты дай мне...

Девка–то была воровата:

— Пожалуй, — говорит, а у неё на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит:

— Я к тебе не полезу, да и ты сюда–то не лазь, чтоб не увидел кто, а давай–ка лучше сквозь этот тынок. Скорей просовывай кляп, а я уж тебе наставлю.

Парень вздрочил кляп и просунул его сквозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила её и посадила на плешь. Он как дернет — и ссадил хуй до крови. Ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает.

— Ах, мать её так, — думает про себя, — да как больно пизда–то у неё кусается! Только бы хуй зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!

Вот пришла пора: вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день и другой и третий, живут и неделю, другую и третью. Парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к тёще, поехали. Дорогой молодая–то и говорит мужу:

— Послушай–ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?

А Данило ей:

— Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пизда кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, насилу зажил.

— Врёшь, — говорит она, — это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся. На–ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится.

Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал:

— Постой, Варюха, дайка–ся я тебе ноги привяжу, коли станет кусаться, так я смогу выскочить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляжки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Варюху–та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (сани то сюда, то туда), вывалила парня, а Варюху так с голыми ляжками и примчала на тётчин двор. Тёща смотрит в окно, видит: лошадь–то зятева, и подумала, верно, это он говядины к празднику привез, пошла встречать, а то её дочка.

— Ах, матушка, — кричит, — развяжи–ка поскорей, покедова никто не видал.

Старуха развязала её, расспросила, что и как.

— А муж–то где?

— Да его лошадь вывалила!

Вот вошли в избу, смотрят в окно — идёт Данилка, подошёл к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся. Тёща послала за ним старшую дочь. Та приходит:

— Здравствуй, Данила Иванович!

— Здорово.

— Иди в избу, только тебя и недостаёт!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у неё унялась?

Та плюнула и ушла от него. Тёща послала за ним сноху, эта ему угодила.

— Пойдём, пойдём, Данилушка, уж кровь давно унялась.

Привела его в избу, а тёща встречает и говорит:

— Добро пожаловать, любезный затюшка!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

— Давно унялась.

Вот он вытащил свой кляп, показывает тёще и говорит.

— Вот, матушка, это шило всё в ней было!

— Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю её одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же вытащил кляп, ударил по плечи ложкою и сказал:

— Вот это шило всё в Варюхе было! — да и начал мешать своею ложкою яичницу.

Тут делать нечего, полезли все из–за стола вон, а он приел яичницу один, и стал благодарствовать тёще за хлеб за соль.